ПРОТЕСТАНТСКАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЭТИКА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Е.А. Орлянский,
к.э.н., доцент ОФ РГТЭУ

Особое место историки экономической мысли уделяют хозяйственной этике протестантизма. Этот вопрос рассматривался с точки зрения генезиса современной рыночной экономики (капитализма). Эта традиция берет начало от теории германской исторической школы, которая, в пику классической школе, пошла по пути изучения влияния экзогенных факторов на хозяйственные процессы. Отвергнув методологический индивидуализм классиков «историки» применили принцип холизма как знак признания особого значения мотивации и реальных действий в экономики коллективных субъектов (нации, религиозные деноминации). Отвергнув же экономический детерминизм своих оппонентов, они искали источники хозяйственных систем в этических и духовных субстанциях.

Наиболее известна концепция Макса Вебера. Он полагал, что капитализм как особая, специфическая экономическая система возникает в результате множественной объективации определенного комплекса социопсихических свойств, ориентирующих деятельность известного (значимого) количества хозяйствующих субъектов. Под таким углом зрения капитализм предстает перед нами как порождение «капиталистического духа». Последний является по сути своей сложносоставным ментальным образованием, он складывается из целого ряда мотивационных компонентов, причудливым образом сочетающихся между собой в масштабах некоей символической целостности. Этой символической ценностью, по мнению Вебера, являлась протестантская хозяйственная этика как теоретико-нравственный фундамент современной ему рыночной хозяйственной системы. Вебер отмечает, что в Германии имеет место «несомненное преобладание протестантов среди владельцев капитала и предпринимателей».[1]

Данная теория была одной из немногих идей исторической школы, которые были признаны современным «мэйнстримом» экономической теории. В современных условиях это воспринимается едва ли не как аксиома, не требующая особых доказательств. Тем не менее, пагубность такого подхода очевидна. На его основе можно делать как неоправданные выводы о принципиальных отличиях в хозяйственной этике разных христианских деноминаций, так и создавать сомнительные классификации наций с точки зрения их предрасположенности к рыночной экономике. Кроме того, анализ развития этой темы показывает, что реально поход Вебера отнюдь не встретил всеобщей поддержки, даже в рамках самой исторической школы. Эта проблематика, без сомнения, очень важна и всегда актуальна. Тем не менее, ситуация с ней в современной экономической теории такова, что ее исследования либо реально развиваются очень слабо, либо не находят отражения в фундаментальных по-

[1] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Вебер М.. Избранные произведения. М.: Наука, 1990. С. 61

ложениях и учебных курсах. В связи с этим, разработка этой тематики имеет особую актуальность в плане преодоления определенной статичности современной экономической теории. Еще большую актуальность приобретает эта тема в связи с переходным состоянием российской экономики, когда не решен вопрос о выборе модели рыночной экономики и соотношении внутри нее чисто экономических и духовно этических компонентов.

В связи с вышесказанным, подход Вебера требует более пристального анализа. Подход Вебера к вопросу о роли протестантской этики в формировании современной рыночной экономики основан на «идее предопределения» сформулированной одним из лидеров Реформации Жаном Кальвином и продолженной различными кальвинистскими и пуританскими богословами, например Ричардом Бакстером. «Идея предопределения» предполагает непостижимое человеческим разумом Божественное предопределение одних людей к спасению и вечной жизни, а других людей – к вечным адским мукам. Единственный шанс человека сформировать в своем сознании уверенность в своей «избранности» - это добиться материального благополучия как показателя угодности своей жизненной деятельности Богу. Отсюда и идет пропаганда формирования в отношении к труду таких качеств как высокий профессионализм, рациональность в любой деятельности, бережливость, экономия времени и т.п. Общеизвестен факт, что сам Кальвин репрессиями добивался запрета на расточительность в Женеве, даже относительно дорогой одежды.[1] Методичность, аккуратность, бережливость, профессиональное мастерство, высокая культура труда являются обязательными нормами поведения. Все стороны жизни рассматриваются с точки зрения богоугодности. Но при этом материальное богатство, успех в бизнесе рассматриваются как знак Божьего благословения. Хотя все профессии равны перед Богом, однако престиж того или иного вида деятельности определяется его доходностью, поскольку именно прибыльность дела свидетельствует об избранности. В отличие от традиционного христианства, в протестантизме, по мнению Вебера, бедность и нищета не являются поводом для сострадания и благотворительности. Бедный считается неудачником, он отвержен Богом, а потому от него отворачиваются и люди. Вместе с тем, высокий доход не просто знак избранности, одновременно это указание и материальная предпосылка дальнейшего служения Богу. Как обращение к Богу в молитве не может иметь конца, так и служение Ему в миру не может иметь предела. Поэтому предприниматель не имеет права останавливаться на достигнутом. Он должен распоряжаться данным ему богатством во славу Божью. Такое понимание религиозного долга выражается в том, что протестантская этика не одобряет потребительского использования дохода, предписывает отказ от роскоши и развлечений во имя дальнейшего расширения дела. Таким образом, протестантская этика ориентирует на бесконечное расширение производства и приумножение капитала. В этом состоит ее историческая уникальность, что и позволило Веберу рассматривать ее как духовную предпосылку капиталистического предпринимательства. Сам Вебер делает такой вывод: «Если же ограничение потребления соединяется с высвобождением стремления к наживе, то объективным ре-

[1] Лейн Т. Христианские мыслители. СПб.: Мирт, 1997. С. 179.

зультатом этого будет накопление капитала посредством принуждения к аскетической бережливости. Препятствия на пути к потреблению нажитого богатства неминуемо должны были служить его производственному использованию в качестве инвестируемого капитала».[1]

Отечественный исследователь творчества Вебера А.И. Неусыхин писал, что «на смену апофеозу труда пришел апофеоз наживы. Та мысль, что человек – управляющий Божьего имения, в ходе капиталистического развития конкретизировалась следующим образом: человек – «машина для приобретательства»; чем больше имущество, тем сильнее ответственность перед Богом». Новая этика охватывает и сознание наемных рабочих. Сам Вебер писал: «Капитализму в эпоху его возникновения нужны были рабочие, которые позволили бы себя экономически эксплуатировать во имя совести. Теперь он стал властелином и может заставить их быть готовым к труду и без потусторонних премий».[2]

Однако существуют и большие сомнения относительно такой точки зрения. Во-первых, «идея предопределения» относится лишь к отдельному, достаточно узкому направлению протестантизма (кальвинизм, пуританство). Классическая основная ветвь протестантизма – лютеранство менее всего подходит к вышеозначенным признакам теоретического фундамента современной рыночной экономики. Как известно, Мартин Лютер выдвинул тезис об «оправдании верой», согласно которой, Божественное спасение обеспечивается индивидуальной верой человека в искупительную жертву Иисуса Христа. Это освобождает индивидуума от необходимости постоянно доказывать свою веру в ходя особой религиозной деятельности (монашества и других аскетических практик). Этот догмат как бы снимал элемент давления на личность верующего и высвобождал весь творческий и энергетический ее потенциал, который энергично искал новую сферу применения. Вся высвобожденная энергия человека направлялась лютеранством на его непосредственную профессиональную деятельность. Она получала своеобразное сакральное обрамление. Добросовестное исполнение своих обязанностей считалось высшей формой служения Богу. Однако здесь упор опять же делался не на результат в виде накопленного богатства, а на качество самого процесса трудовой деятельности, высокий профессионализм и честность в любых экономических отношениях. Это вполне соответствовало и традиционной древней религиозно-мифологической традиции, и принципам Новозаветного Священного писания. Просто усиливалась теоретическая и эмоциональная составляющая (во многом, благодаря литературному таланту и личностным качествам самого Мартина Лютера) хозяйственной деятельности. По Лютеру, экономические отношения между христианами вполне могут регулироваться не светским правом, но христианскими моральными принципами, которыми должен руководствоваться и светский чиновник. Об этом, например, свидетельствует понимание Лютером проблем разрешения долговых споров между христианами. Лютер пишет: «нельзя здесь найти более ясного закона, чем закон любви. Во-первых, ты сталкиваешься с таким случаем, когда один должен возвратить

[1] Вебер М. Указ. соч. С. 198-199
[2] Там же. С. 624.

долг другому. Если оба – христиане, то дело решается быстро, потому что никто не будет утаивать от другого своего имущества, и никто не будет требовать возвращения долга. Если христианином является один, а именно тот, кому должны возвратить долг, то это снова решается легко; потому что он не спрашивает о долге, даже если ему никогда не возвратят его. Подобным образом поступит и христианин, который должен возвратить долг; он также отдаст его. Следовательно, если один из двух христианин, то тебе (светскому чиновнику – *О.Е*) так же следует решить дело о возвращении долга. Если должник беден и не в состоянии возвратить долг, а кредитор – богат, то ты должен здесь применить закон любви и освободить должника от уплаты долга; потому что кредитор обязан в соответствии с законом любви простить ему долг и к тому же оказать помощь, если это необходимо. Если же должник не беден, то заставь его возвратить долг, сколько он сможет: полностью, половину, третью или четвертую часть, чтобы он, его жена и дети были в достаточной мере обеспечены жилищем, пропитанием и одеждой; потому что ты обязан сделать для него это».[1]

Хозяйственная этика лютеранства, следовательно, менее всех других протестантских деноминаций порывает с предыдущей христианской традицией. Кроме того, Лютер продолжил, например, традицию осуждения ростовщичества весьма радикальным образом (в отличие от Ж. Кальвина, который разрешил процентные отношения в Женеве). Он писал: «Явных ростовщиков надо подвергать отлучению……Они должны возвратить награбленное сверх всякой меры тем, кому доставили такие мучения».[2] Особую неприязнь у Лютера вызывало еврейское ростовщичество: «Они живут в нашем доме, под нашей защитой, пользуются нашей землей и рынками, улицами и перекрестками. А князья и господа, как ни в чем ни бывало, продолжают исполнять свою службу, дрыхнут и, разинув рот, смотрят как евреи запускают руки в раскрытые кошельки и кассы, хватают и грабят, что им вздумается. Иными словами, власти допускают, что и с них самих, и с их подданных евреи-ростовщики сдирают шкуру, высасывают их кровь и за их же деньги делают их нищими. Ведь евреи-то, живущие как на чужбине, не должны иметь ничего, мы в свою очередь не дарим и не даем им ничего; однако, у них наши деньги и имущество, они – наши господа в нашей собственной стране и на своей чужбине. Если вор украдет десять гульденов, то его надлежит повесить, если он ограбит кого-нибудь на улице, ему отрубят голову. А еврей, который посредством ростовщичества наворовал и награбил десять тонн золота, нам дороже Самого Бога».[3] И реально, первое разрешение христианам заниматься ростовщичеством дали вовсе не лютеранские немецкие курфюрсты, а основатель англиканской церкви Генрих VIII в 1545 году после разрыва отношений с папой.[4] Ирония состоит в том, что англиканство догматически и обрядово менее всего отошло от католицизма среди всех протестантских деноминаций.

[1] Лютер М. Время молчания прошло. Избранные произведения. 1520-1526. Харьков: ОКО, 1992. С.148
[2] Цит. по: Фаусель Г. Мартин Лютер. Жизнь и дело. Т.2. Харьков: Майдан, 1996. С. 261-262.
[3] Цит. по: Фаусель Г. Мартин Лютер. Жизнь и дело. Т.2. Харьков: Майдан, 1996. С. 306.
[4] Лиетар Б. Будущее денег. М.: Астрель, 2007. С. 103-104.

Более того, существует обоснованное мнение, что лютеранство явилось духовно-теоретическим фундаментом совсем иной экономической тенденции. Дело в том, что XVI век являлся своеобразным рубежом между старым вариантом традиционной экономики и новой рыночной хозяйственной системой. Однако этот переход был не мгновенным. В переходном временном лаге постепенно формировался некий «третий путь» экономической эволюции. Олицетворяли этот путь бюргеры-предприниматели. Они сформировались в условиях западноевропейских городов, которые, как известно, именно в это время достигли высшей точки независимого существования. Этику бюргерско-предпринимательского сословия отечественный исследователь проблемы Э.М. Соловьев характеризует тем, что «бюргеру-предпринимателю уже известны такие установки как тщательное соизмерение доходов и расходов, приоритет интересов дела над интересами приобретения, бережливость (если не аскеза, то диетика наживы), понимание денежного накопления как гаранта хозяйственного выживания. Вместе с тем он готов довольствоваться скромными, а иногда и минимальными размерами прибыли и признает лишь «честное стяжание», далекое от феодального грабежа и ростовщического обмана».[1] Лютеранское отношение к труду ярко характеризует текст одного из религиозных гимнов, используемых в российской лютеранской церкви:

«Все к труду! Все к труду! Слуги Господа сил! В путь пойдем, что властитель наш Сам проложил; Дух совести его будет направлять, Веру, силы и жизнь каждый день обновлять.

Все к труду! Все к труду! Бодрствуй ты и молись! Уповай и трудись! Доколе нам Господь придет.

Все к труду! Все к труду! Алчущий хлеб найдет, и кто жаждет к источнику жизни придет. Искупленье Христом возвещать мы должны, Не заслугой своей – мы Христом спасены.

Все к труду! Все к труду! Наш небесный Отец, когда кончится труд, нам дарует венец; Как в обитель святых будем водворены, С ними песнь воспоем: мы Христом спасены».[2]

Данный текст иллюстрирует две важнейших идеи лютеранской хозяйственной этики. В первую очередь, это идея о труде как форме Божественного служения. В таком случае исключается нечестное ведение хозяйственных дел и целевые установки, не отвечающие Новозаветным догматам. С другой стороны, деятельность человека не обеспечивает спасение, только вера. Поэтому, трудовая деятельность не может оцениваться по экономическому результату (прибыли, рентабельности), как показателю богоизбранности. Цениться может только отношение к труду как к процессу, добросовестное выполнение своих обязанностей. Сам же труд является средством обеспечения пропитания, а не получения наживы. Таким образом, лютеранская хозяйственная этика не слишком отличалась от аналогичной этики традиционной рыночной экономики в плане оценочных критериев хозяйственной деятель-

[1] Соловьев Э.М. Мартин Лютер: время и дело // От Лютера до Вайцзеккера. Протестантские мыслители Германии. М.: Раритет, 1994. С. 30-31.

[2] Песнь возрождения. Сборник духовных гимнов и песен Евангельских церквей. СПб: Библия для всех, 2000. С. 101-102.

ности. О лютеранском понимании духовно ориентированной экономики свидетельствует и вышеприведенный отрывок из Лютера по поводу христианского регулирования долговых отношений.

Вопрос о том, почему эта альтернатива религиозно ориентированной рыночной экономики не реализовалась, является, пожалуй, одним из ключевых вопросов в проблеме генезиса рыночной хозяйственной системы. Этот вопрос еще требует тщательного исследовательского анализа. Тем не менее, уже сейчас можно сделать вывод о том, что лютеранская деноминация протестантизма не могла исполнить ту идейно-теоретическую функцию по отношению к той рыночной хозяйственной системе, о которой писал Вебер.

Во-вторых, даже если взять именно кальвинизм и пуританство (которые и имел в виду Вебер под протестантизмом), то и здесь имеются сомнения в их способности сыграть роль идейно-теоретического катализатора процессов формирования современной рыночной экономики. С одной стороны, существует повод резко отделять кальвинизм, например от того же лютеранства. Дело в том, что кальвинистский догмат об абсолютном предопределении вызывал неприятие лютеранских богословов, например Иоахима Вестфаля. С одной стороны, существует повод резко отделять кальвинизм, например от того же лютеранства. Для современных лютеранских богословов это не является даже предметом дискуссий. Герман Зассе однозначно указывал, что «тот факт, что между Лютеранской и Реформатской церквями существуют глубокие доктринальные различия, никогда не подвергался серьезным сомнениям».[1] Это связано с особым восприятием Бога у Кальвина, мало совместимым с представлением того же Лютера. Действительно, Кальвин почти не пишет о божественной любви. Бог в его представлении отличается мрачными и суровыми чертами. Некоторые исследователи отмечают ветхозаветное иудейское понимание Бога у Кальвина. Так В.Н. Кравченко указывает, что «в его представлении о Боге есть нечто ветхозаветное. Он охотно обращается к примерам из истории Израиля, а не к евангельским сюжетам. Он трезво и жестко говорит о том, что Христос погиб на кресте не за все человечество, а только за избранных. На возражения о том, что в таком случае Бог несправедлив, Кальвин отвечает, что все люди справедливо осуждены за свои собственные грехи, и только это может быть очевидно для нас. И поскольку мы в принципе не можем в каждом конкретном случае видеть истинных намерений Всевышнего, для нас навсегда непостижимым останется и цельный Божественный план. Единственное, в чем мы должны быть твердо убеждены, это в том, что Бог всегда действует по справедливости, но само осуществление этой справедливости на земле для нас непостижимо».[2] С другой стороны, кальвинистскую этику нельзя ставить в один ряд, например, с иудейской этикой. Сам Вебер отмечал, что удостоверением в богоизбранности у кальвинистов «является неутомимая деятельность в рамках своей профессии. Она, и только она, прогоняет сомнения религиозного характера и дает уверенность в

[1] Зассе Г. На том стоим. СПб.: Андреев и согласие, 1994. С.141.

[2] Кравченко В.Н. Жан Кальвин: твердый и бесстрашный борец с несправедливостью//От Лютера до Вайцзеккера. Протестантские мыслители Германии. М.: Раритет. 1994. С. 87.

своем избранничестве».[1] В.Н. Кравченко также отмечает, что: «для Кальвина профессия – это место служения Богу, она является самоценностью, а не средством достижения каких-то земных благ. Поэтому в исполнении профессиональных обязанностей главное значение имеют моральные факторы: дисциплина, честность, ответственность, исполнительность, тщательность».[2] Соответственно и для кальвинизма с его «идеей предопределения» главное значение имеет не нажива как результат экономической деятельности, а сам процесс трудовой деятельности с морально-этической точки зрения. Капитализм же, по Веберу, «безусловно тождественен стремлению к наживе в рамках непрерывно действующего рационального капиталистического предприятия».[3] Но между «неутомимой деятельностью в рамках своей профессии» и «стремлением к наживе» наблюдается «дистанция огромного размера».

Здесь уместно предположить, что «дух капитализма» скорее связан не с протестантской этикой, а с особой утилитаристской системой взглядов и представлений, которая практически не имеет под собой религиозной подоплеки. Такая система взглядов характерна скорее для работ Бенджамина Франклина, чем для идей Жана Кальвина (не говоря уже о Мартине Лютере). В своей книге «Руководство для молодых купцов» Франклин показывает, что новые нравственные принципы отношения к экономике (бережливость, оперативность, честность, пунктуальность и т.д.) необходимы не из-за их религиозного характера, а из-за того, что они обеспечивают чисто экономическую эффективность. Действительно, Франклин внушает мысль, что оперативность важна, так как «время - деньги». Честность и пунктуальность увеличивают кредит и т.д. Здесь уже нет места для апелляции даже к «идее предопределения» в ее крайнем, кальвинистском выражении. Здесь вообще не остается какой-либо религиозной формы. Сам Франклин был далеко не религиозным человеком, хотя еще очень долго не мог отказаться от религиозной аргументации (что роднит его, например, с Адамом Смитом). Это чисто утилитарный подход к проблеме. Протестантская этика могла бы сформировать иную экономику, где стремление к честному, профессиональному, добросовестному труду имело бы не утилитарную подоплеку (выгода, прибыль), а религиозно-нравственные целевые установки. Ведь целью протестантской реформации сознания и было уравнивание мирской профессиональной деятельности и чисто священнического служения.

Современный отечественный исследователь творчества Вебера М. О. Мнацаканян отмечает три аспекта формирования утилитарной хозяйственной этики: «Во-первых, деловая практика требует воспитания воли и характера, своеобразного склада психики, развития природных задатков и талантов идущего на риск предпринимателя, а также сумму навыков и знаний, которые даются социализацией. Совокупность душевных качеств, определенная направленность склада психики и способностей могут позволить как предпринимателю, так и рабочему приспособиться к условиям хозяйственной жизни,

[1] Вебер М. Указ.соч. С. 149.
[2] Кравченко В.Н. Жан Кальвин: твердый и бесстрашный борец с несправедливостью//От Лютера до Вайцзеккера. Протестантские мыслители Германии. М.: Раритет. 1994. С. 85.
[3] Вебер М. Указ.соч. С. 48.

мыслить и действовать по ее нормам и законам. Интенсивность труда, конкуренция, растущие объемы управления требуют, помимо всего прочего, большой духовной энергии и воли, необходимых для преодоления напряжения и усталости. Причем особенности склада характера, природные данные могут эмпирически, утилитарным способом, поднять человека на вершину профессионального мышления.

Во-вторых, деловая практика, ее будни, требуют от субъектов деятельности большой суммы практических навыков, знаний и опыта. Изучение конъюнктуры рынка, приобретение технических навыков и умений составлять планы, прогнозировать, вести переговоры и конкретную борьбу, разбираться в сложностях бухгалтерского дела, отчетность - все это резко поднимает роль утилитарного подхода ко всем аспектам хозяйствования, но, прежде всего в «хозяйственном мышлении». Высокие моральные нормы подчиняются интересам дела, честность теперь выгодна и полезна. Именно «дух Франклина» становится эталоном буржуазной нравственности.

И, наконец, в-третьих, современный капитализм, выработав механизм своего воспроизводства, в дальнейшем будет опираться не на религиозные формы аскетического протестантизма, а на рациональные нормы утилитарного профессионального этоса».[1] Сам Вебер, в конце концов, признает, что утилитарная этика признает религиозные добродетели лишь постольку, поскольку они способствуют ее целям. В противном случае эта этика выдвинет иные добродетели. Он пишет: «там, где видимость честности достигает того же эффекта, она вполне может заменить подлинную честность - ведь легко можно предположить, что в глазах Франклина избыток добродетели – лишь ненужная расточительность и как таковая достойна осуждения... таков неизбежный вывод с позиций последовательного утилитаризма».[2]

Более того, религиозные принципы рано или поздно придут в противоречие с утилитарной этикой. Уже при своей жизни Вебер наблюдал разрыв прежней связи между жизненным укладом, поведением и религиозными убеждениями, которые либо полностью отсутствовали, либо носили негативный характер. Его современники, люди, преисполненные капиталистического духа, проявляли если не враждебность, то совершенное безразличие к церкви. Библейские нравственные принципы отнюдь не прельщали рационально мыслящие натуры, воспитанные на идеях Франклина. Религия могла представляться им лишь средством, способным отвлечь людей от трудовой деятельности. Свою безудержную погоню за наживой они могли объяснить то «заботой о будущих поколениях», то тем, что само дело с его неустанными требованиями стало для них «необходимым условием существования». Действовали и такие мотивы, как стремление к власти и почету, которые давались богатством. «Капиталистическое хозяйство, - пишет Вебер, - не нуждается более в санкции того или иного религиозного учения и видит в любом влиянии церкви на хозяйственную жизнь (в той мере, в какой оно вообще

[1]Мнацаканян М.О. Место протестантской этики в концепции капитализма М. Вебера//Социологические исследования. 1998. №7. С. 36-37.
[2] Вебер М. Указ.соч. С. 74-75.

ощутимо) такую же помеху, как регламентирование экономики со стороны государства. «Мировоззрение» теперь, как правило, определяется интересами торговой или социальной политики. Тот, кто не приспособился к условиям, от которых зависит успех в капиталистическом хозяйстве, терпит крушение или не продвигается по социальной лестнице».[1]

Не стоит забывать, что протестантская этика содержит определенный элемент бытового аскетизма. Это лишает рыночную экономику главного стимула – спроса, основанного на культе потребления. Развитой рыночной экономике нужен элемент потребительского расточительства, который явно противоречит любой христианской хозяйственной этики, в том числе и протестантской.

Здесь остается открытым вопрос – была ли утилитарная этика когда-либо и как-либо связана с протестантизмом. Ответить на этот вопрос можно двояко. Во-первых, причинно-следственной связи между утилитарной этикой и протестантизмом на гносеологическом и теоретическом уровне наблюдаться, скорее всего, не может. У этих идеолого-хозяйственных парадигм слишком противоположный генезис и целевые установки. Во-вторых, несмотря на это, отрицать влияние протестантской этики на развитие самой новой хозяйственной системы (капитализма) бессмысленно. Ведь историческим фактом является то, что, например, Жан Кальвин действительно отбросил вместе с различными догматами католицизма и много из его хозяйственной этики. Например, в Женеве был снят запрет на ссудные отношения с использованием ростовщического процента. Кроме того, надо учитывать и фактическое положение протестантских общин во многих странах. В отличие от лютеран в Германии и Скандинавии, кальвинисты во Франции и Швейцарии или пуритане в Англии оказывались во враждебном деноминационном окружении. Это, безусловно, требовало от них применения любых способов обеспечения максимальной экономической устойчивости. Отсюда и поиск наиболее эффективных способов ведения хозяйства. В этих условиях, действительно, может сложиться ситуация, когда процесс хозяйственной деятельности отходит на второй план в качестве ценностной целевой установки. В этом качестве утверждается финансовый результат. Таким образом, протестантские общины становятся катализатором применения новых методов хозяйственной жизни, которые вынуждены перенимать и структуры окружения, чтобы выдержать конкурентную борьбу с протестантскими общинами. Стоит обратить внимание и на тезис Вебера о том, что сдерживающим фактором на пути к формированию новых мотивационных установок к трудовой деятельности является невысокий стандарт жизни, включающий в себя материальное положение и социальный статус. В связи с этим, наемный работник теряет всякую мотивацию к интенсификации трудовой деятельности после достижения уровня дохода, соответствующего этому стандарту. Отсюда и бессмысленность материальных стимулов к труду в обществе с традиционным общественным и индивидуальным сознанием. Вебер пишет, что «В ряде случаев повышение расценок ведет за собой не рост, а снижение производительности труда, так как

[1] Вебер М. Указ.соч. С. 91.

рабочие реагируют на повышение заработной платы уменьшением, а не увеличением дневной выработки».[1] Существование протестантских общин в иноверном окружении, безусловно, способствовало формированию более высоких стандартов жизни, что стимулировало интенсификацию трудовой деятельности и сближение целевых установок в экономике у наемных рабочих и предпринимателей.

В рамках исторической школы сомнение в верности точки зрения Вебера высказывал, например, Вернер Зомбарт. Он подверг анализу творчество английского пуританского богослова Ричарда Бакстера, одного из последователей «идеи предопределения». В первую очередь, Зомбарт отмечает резкое усиление христианского идеала бедности. Зомбарт приводит такие высказывания Бакстера:

«Как мало значат богатства и почести этого мира для души, отходящей в иной мир и не знающей, будет ли она позвана в эту ночь. Тогда возьми с собой богатство, если сможешь».

«Работай над тем, чтобы почувствовать великие нужды, которых не могут устранить никакие деньги».

«Деньги скорее отягчат твое рабство, в котором держат тебя грехи, нежели облегчат его».

«Разве честная бедность не много слаще, чем чрезмерно любимое богатство?».[2]

По аналогии с католической этикой Фомы Аквинского мы находим у Бакстера осуждение расточительства, лености, демонстративного потребления и всех тех человеческих пороков, которые затем будут возведены Адамом Смитом в ранг «двигателей экономического развития». Тем самым, очевидно, что даже радикальный протестантизм не содержит культ потребления как неизбежный элемент современной рыночной экономики.

Данное настроение можно отследить и в творчестве других кальвинистских и пуританских богословов. Понятно, что это не может быть идейной платформой для зарождения того, что мы сейчас считаем «экономическим способом мышления». «Экономический человек» Смита, этот Homo Economicus, никак не соответствовал кальвинистскому и пуританскому идеалу праведного человека. Этому идеалу не соответствовали ни стремление к наживе как к цели хозяйственной деятельности, ни потребительское поведение, основанное на максимизации предельной полезности. «Идея предопределенности», по-видимому, являлась лишь неопределяющим эпизодом в кальвинистской и пуританской традиции. Ряд отечественных исследователей данного вопроса также не считают возможным выделять протестантскую хозяйственную этику из ряда аналогичных христианских этических систем. Так, Ф.Б. Власов писал: «Однако было бы упрощением сводить истоки капиталистического духа только к протестантизму. Европейское Просвещение также утверждало рациональные методы познания и отношения к миру. Стоит напомнить, что само протестантское мировоззрение зародилось в недрах като-

[1] Вебер М. Указ.соч. С. 80.
[2] Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М.:АЙРИС ПРЕСС, 2004. С.250.

лицизма и имеет с ним много общего. Поэтому рационализм стал продуктом не только Реформации, а всей духовной и интеллектуальной жизни Западной Европы. Только в протестантизме он выражен резче и отчетливее. Это дает основание уподобить протестантизм и католичество, с их ценностями труда и приумножения богатства, двум руслам одной реки, в лоне которой и сформировался общий для западной цивилизации дух капиталистического предпринимательства».[1]

В итоге, можно сделать вывод о том, что Вебер верно отметил близость двух процессов – формирование протестантской хозяйственной этики как духовного процесса и становление современного варианта рыночной хозяйственной системы как конкретно-исторического процесса. Не вызывает сомнение и новаторство Вебера в методологии. Он, во-первых, доказал возможность неэкономическому (и даже нематериальному) компоненту сыграть роль причины в данной причинно-следственной связи. Во-вторых, в качестве неэкономического компонента был использован этно-религиозный фактор, что имело большое значение в условиях космополитизации и секуляризации общества того времени. В-третьих, Вебер развил принцип холизма в виде исследования хозяйственной деятельности именно коллективных обществ. Причем, новаторство Вебера проявилось в выборе коллективных сообществ в качестве основного хозяйственного субъекта и объекта своего исследования. В этом качестве он использовал социальные группы (предприниматели, наемные работники) объединенные не материальными интересами (отношениями собственности, например как у Маркса), а конфессионально-деноминационным признаком (христиане-католики и христиане-протестанты).

Однако вряд ли можно согласиться с Максом Вебером в том, что протестантская этика была постоянной хозяйственной этикой новой рыночной экономики. Очень быстро новая хозяйственная система «обзавелась» собственной хозяйственной этикой – утилитарной этикой. Утилитарная хозяйственная этика уже не имела протестантских религиозных основ.

Таким образом, мы можем утверждать, что ни одна из протестантских конфессий не создала какой либо принципиально новой хозяйственной этики по сравнению с предыдущей христианской традицией. Поэтому, возведение протестантской хозяйственной этики в ранг духовной основы современной рыночной экономики не оправдано. Весь реформационный потенциал протестантизма затрагивал другие сферы жизни человека и общества: церковная организация, трактовка Библии, отношение к политическим властям и т.д. Хозяйственная деятельность, конечно, получила более высокую оценку в иерархии сфер общественной жизни и поднялась на один уровень даже с церковным служением. Но относилось это, прежде всего, к нравственно-этической оценке процесса, а не результата труда. В области же хозяйственной этики протестантизм остался на прежних позициях.

[1] Власов Ф.Б. Религиозно-нравственные основы международного согласия и мира. Официальный сайт научного центра «Планетарный проект» Академии Естественных наук РФ. Доступно из URL: www.plproject.ru.